

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 3 (88). С. 125–138.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2025; 3 (88):125–138.

Научная статья

УДК 821.163.1

DOI 10.37724/RSU.2025.88.3.012

Лирические тексты синодика в контексте жанровой системы древнерусской литературы

Евгения Сергеевна Шадрина (инокиня Мария)

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

maria.solba99@gmail.com

Аннотация. Особенности лирических жанров в составе синодиков с литературными предисловиями остаются недостаточно изученными, между тем изучение материала синодика служит обогащению представлений о своеобразии древнерусских лирических жанров. Цель исследования — выявление специфики лирических жанров в составе литературных предисловий синодиков с учетом сложившихся систем богослужебных и четых жанров Древней Руси. Синодик с предисловиями включал в себя лирические и эпические тексты, которые необходимо рассматривать в контексте этих двух полноправных жанровых систем древнерусской литературы. Лирические жанры играли в синодиках особую роль. Близкие по духу к богослужебной лирике, они отражали специфический состав всего памятника, четья составляющая которого находилась в тесной взаимосвязи с литургическими текстами. Наряду с повествовательными фрагментами, не уступая им по своим художественным достоинствам, но используя собственные изобразительно-выразительные средства, лирические жанры формировали дидактическую идею синодика. В статье предложена классификация таких текстов с точки зрения их жанрово-стилистических особенностей. Проанализирована роль гимнографии в формировании синодика как объединяющего жанра. Доказано, что литургическая поэзия послужила основой синодичных предисловий лирического характера. Идеино-художественная система разножанровых предисловий находилась в тесной взаимосвязи с заупокойными богослужебными последованиями. Практическая ценность нашей работы заключается в возможности использования ее результатов в дальнейшем изучении синодиков с литературными предисловиями, в разработке спецкурсов и спецсеминаров по истории древнерусской литературы, а также при подготовке к публикации текстов литературных предисловий.

Ключевые слова: гимнография, древнерусская лирика, жанр, поучение, синодик с литературными предисловиями, эвхография.

Для цитирования: Шадрина Е. С. (инокиня Мария). Лирические тексты синодика в контексте жанровой системы древнерусской литературы // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 3 (88). С. 125–138. DOI: 10.37724/RSU.2025.88.3.012.

Original article

Lyrical texts in synodicons and their place in the genres of Old Russian literature

Evgenia Sergeevna Shadrina (Sister Maria)

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

maria.solba99@gmail.com

Abstract. Analysis of lyrical genres in *synodicons* (necrology lists) with certain literary preambles still remains insufficient. But study of *synodicon* materials can enrich our understanding of the uniqueness of Old Russian lyrical genres. The aim of the present research is to identify the specific features of lyrical genres in the literary preambles to synodicons, taking into account the established systems of liturgical and devotional genres in Old Russia. Such

preambles contained lyrical and epic texts, and they may be considered in the context of these two fully-fledged layers of Old Russian literature. Lyrical genres played a special role in the synodicons. Close in spirit to liturgical poetry, they reflected the specific composition of the whole composition, where the textual part was closely intertwined with prescribed liturgical texts. Along with narrative fragments, and hardly inferior to them in their artistic merits, but using their own pictorial and expressive means, lyrical genres formed the didactic idea of a *synodicon*. The present article proposes a classification of such texts in terms of their genre and stylistic features. It analyzes the role of hymnography in the formation of the synodicon as a unifying genre. It proves that liturgical poetry served as a basis for synodicon preambles of a lyrical nature. The ideological and artistic system of preambles of various genres was closely intertwined with funeral liturgical sequences. The practical value of our work lies in the possibility of using its results in further study of synodicons with literary preambles, in the development of special courses and workshops on history of Old Russian literature, as well as in the preparation for publication of the texts of such literary preambles.

Keywords: hymnography, Old Russian lyrical poetry, genre, sermon, synodicons with literary preambles, euchography.

For citation: Shadrina E. S. (Sister Maria) Lyrical texts in synodicons and their place in the genres of Old Russian literature. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2025; 3 (88):125–138. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2025.88.3.012.

Введение

Система жанров древнерусской литературы по своей художественной специфике кардинально отличалась от жанровой системы литературы Нового времени. Н. В. Трофимова обращала внимание на то, что их составные элементы не просто своеобразны, но даже и не соотносимы [Трофимова, 2018, с. 75]. Древнерусская лирика — яркий тому пример. Д. С. Лихачев указывал, что в русском средневековье не было целых видов литературы, в первую очередь, лирического стихотворства [Лихачев, 1967, с. 65]. Однако лирика существовала и до XVII века — в нестихотворной форме. Я. С. Лурье предполагал, что поэтические жанры зародились в древнерусской письменности не позднее, а даже раньше прозаических [Истоки русской беллетристики ... , 1970, с. 6].

Работа Н. И. Прокофьева «О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI–XVI вв.» дает полноценное представление о лирике как о важном, неотъемлемом пласте древнерусской литературы, где «господствовали два рода литературных произведений: лирическое рассуждение и эпическое повествование» [Прокофьев, 1975, с. 37].

Размышляя о системе жанров, исследователь выделял два основных жанрообразующих признака: объект повествования и назначение произведения. По словам медиевиста, «объектом изображения становится то, что считается наиболее важным и нужным, что нуждается в эстетическом закреплении и поэтизации, а также и осуждении. Эти объекты восходят как к исторической жизни, так и к представлению о ней, к ее идеологическому осознанию» [Прокофьев, 1975, с. 29]. Н. И. Прокофьев отмечал, что для эпических жанров основным жанрообразующим фактором служил объект повествования, а для лирических — назначение (функция) [Прокофьев, 1994, с. 52]. Древнерусская лирика могла предназначаться «для выражения личного или общественного бедствия, горестного состояния в связи с различного рода несчастьями и скорбными потрясениями», «для восхваления события или исторического лица», «для передачи обращений литературных героев или автора к божественным силам» и т. п. [Трофимова, 2018, с. 79–80].

Основная часть

Жанровая система Древней Руси возникала «не в отрыве от исторически развивающейся идеологической жизни, а в связи с ней» [Прокофьев, 1975, с. 38]. Религиозное мировоззрение в условиях средневековья определяло отбор объектов изображения, влияло на формирование самих жанров. Оно пронизывало и лирические формы. Древнерусская лирика отличалась от лирики Нового времени «не только объектом изображения, назначением, построением и языком, но и прежде всего системой взглядов на жизнь, мировоззрением своего времени» [Прокофьев, 1975, с. 38–39]. Теоцентричность лирики выражалась в первую очередь в том, что все движения человеческой души обращались к Богу: «Возверзи на Господа печаль твою» (Пс. 54:23), «Аще бо и пойду посреде сѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси» (Пс. 22:4), «Озлобленъ быхъ

и смирихся до зѣла, рыкахъ от въздыхания сердца моего. Господи, предъ Тобою все желание мое, и въздыхание мое от Тебе не утаися» (Пс. 37:9–10), «Веселитесь, праведнии, о Господѣ» (Пс. 96:12), «Воспойте Господеву пѣснь нову» (Пс. 97:1), «пою Богу моему, дондеже есмь» (Пс. 145:2).

Н. И. Прокофьев вслед за Д. С. Лихачевым выделял жанровые системы фольклорных и литературных жанров, но обращал внимание, что применительно к Древней Руси следует вести речь не о двух, а о трех жанровых системах, разграничивая жанры богослужебной и четвѣй литературы. Классифицируя четвѣй жанры, исследователь отмечал, что при всей их историчности, им был свойственен и лиризм [Прокофьев, 1975, с. 27]. Н. И. Прокофьев причислял к лирическим произведениям риторические жанры (публицистические и религиозно-нравственные поучения, разного вида послания), а также плачи, молитвы и похвалы — малые лирические жанры, которые чаще всего входили в состав произведений первичных и объединяющих жанров, но могли образовывать и самостоятельные произведения [Прокофьев, 1975, с. 33–34 ; Трофимова, 2018, с. 79].

О богослужебной литературе Н. И. Прокофьев писал: «По своей сути она более всего сближалась с художественной литературой и являлась поэзией, хотя и своеобразной, многие песнопения, несомненно, принадлежат к поэзии высокого лирического накала» [Прокофьев, 1975, с. 26]. Позиция ученого очень важна для объективного восприятия места лирики в русской средневековой литературе. Если не принимать во внимание или недооценивать богатейший пласт богослужебных жанров, то создается впечатление, что, в отличие от «цельной и законченной» системы жанров фольклора, система жанров древнерусской литературы была неполной и несамостоятельной [Лихачев, 1967, с. 65].

Богослужебная литература, как и четвѣя, имела свою систему жанров и форм, весьма разнообразных и в основном носящих лирическую окраску. Она «обращалась главным образом к чувству, не игнорируя однако и разум» [Прокофьев, 1975, с. 26]. Все богослужебные тексты группировались тематически вокруг предмета богослужения и обуславливались видом службы [Прокофьев, 1975, с. 27], жанры определялись назначением и местом в богослужебном последовании.

Синодик с литературными предисловиями — весьма примечательный объединяющий жанр древнерусской литературы, находящийся на стыке двух жанровых систем. Если два других типа синодика — Вселенский синодик и Помянник — однозначно являлись памятниками богослужебной книжности, то синодик с литературными предисловиями приобрел, помимо литургической, четвѣй функцию. Памятник книжности включал в себя помянник и литературные предисловия, обосновывающие значение молитвы об усопших. И. В. Дергачева выделяла и подробно разбирала три редакции синодика: помянник с трехсловным предисловием (синодик Иосифовой редакции), помянник с развернутым предисловием (синодик патриарха Иова) и синодик непостоянного состава (синодик — литературный сборник) [Дергачева, 2011, с. 17].

Тексты, относящиеся, по терминологии Н. И. Прокофьева, к «лирическому рассуждению» [Прокофьев, 1975, с. 37], были неотъемлемой частью синодиков. Согласно классификации Е. В. Петухова, «лирико-описательно-назидательный элемент» [Петухов, 1895, с. 228] — одна из основных обширных групп синодичных литературных предисловий наряду с другими четырьмя элементами: историческим, теоретическим, повествовательным, а также более обширными статьями разнообразного содержания и отрывками из них. Под лирико-описательным элементом исследователь понимал «разного рода мелкие статьи, изречения, выдержки и т. п., а также статьи церковно-богослужебного характера» [Петухов, 1895, с. 228, 332, 405–406].

Концепция Е. В. Петухова во многом совпадает с подходом Н. И. Прокофьева к жанровой системе древнерусской литературы. К эпическому повествованию можно отнести исторический элемент синодичных предисловий, обосновывающий практику поминания в диахронном аспекте начиная с апостольских времен, а также повествовательный элемент, представляющий наглядные примеры в подтверждение эсхатологической дидактики. Впрочем, и в этих текстах иногда встречались «отступления в сторону теоретических рассуждений и практического назидания» [Петухов, 1895, с. 113] — в эпические повествования проникали лирические мотивы.

Теоретический элемент, объясняющий установление церковного поминовения и убеждающий читателя в его необходимости с опорой на святоотеческие цитаты и вставные сюжеты-примеры, был весьма схож в описании с элементом историческим, что неоднократно подчеркивал сам Е. В. Петухов: «Назидательно-практические места в том и другом предисловии иногда буквально сходны, что говорит об обоюдной зависимости их друг от друга даже и со стороны

текста» [Петухов, 1895, с. 121–123]. Исследователь рассматривал в рамках теоретических предисловий не только эсхатологические сказания, относящиеся к эпическим повествовательным произведениям, но и статьи, имеющие форму поучительного слова. Так, к теоретическим элементам исследователь причислял фрагмент трехсловного предисловия из первой редакции синодика, церковно-учительные слова из Соборника, различные святоотеческие поучения. Разграничить данные тексты с описательно-назидательными статьями из лирического блока — задача практически невыполнимая. И те и другие тексты, «весьма выразительные» по своему лиризму, могли заключать в себе «изображение тщеты земной жизни и мук за гробом, ожидающих нераскаянных грешников», а также «прибавки обличительного характера» [Петухов, 1895, с. 124, 128, 132, 229–231]. Согласно жанровому подходу Н. И. Прокофьева, эту категорию синодичных предисловий можно отнести к жанру религиозно-нравственных поучений и посланий — лирических литературных произведений, «предназначенных для выражения религиозно-нравственного содержания в форме рассуждения» [Прокофьев, 1975, с. 34].

Предпринятое Е. В. Петуховым деление синодичных предисловий на элементы было весьма условным. Примечательно, что И. В. Дергачева, составляя их каталог, группировала тексты не по принципу пяти элементов, а по основным источникам. Разного рода поучения, источники которых остались неизвестны, распределялись исследователем по трем рубрикам в зависимости от своего содержания: «статьи лирико-аскетического характера», «статьи уставного характера» и «церковно-учительные, догматико-назидательные статьи, входящие в синодичные предисловия, так называемые собственно синодичные предисловия» [Дергачева, 2011, с. 148, 150, 151]. К разряду «собственно синодичных предисловий» И. В. Дергачевой были отнесены тексты историко-теоретической направленности, к разряду уставных статей — экзегетические тексты, разъясняющие богословский смысл церковного поминовения, к разряду лирико-аскетических статей — тексты созерцательного характера («Помысли, о человеке...», «Приидите, мудрствуйте, земная, видите гроб, плачьте и рыдайте, помышляйте всегда смерть...») [Дергачева, 2011, с. 152].

Отличительным признаком лирико-описательного элемента Е. В. Петухов называл практическую назидательность. Лирические жанры в составе синодичных предисловий, равно как и все прочие литературные элементы, убеждали в важности молитвы об усопших, суетности земной жизни, призывали к своевременному покаянию и стремлению к жизни вечной. Однако, в отличие от исторических, теоретических, повествовательных текстов, они не носили ярко выраженного характера практического наставления, их содержание уклонялось в нравственно-религиозную область. Если другие элементы «более действовали на мысль» [Петухов, 1895, с. 229], то лирика оказывала сильное влияние на чувства читателя. Она была проникнута мыслью о тщете земной жизни и очень охотно обращалась к «отрицательному и мрачному изображению тленной “красоты сего мира”, при сопоставлении ее с неувядаемой и вечной красотой будущей жизни праведников» [Петухов, 1895, с. 229].

Е. В. Петухов в составе лирико-описательно-назидательного элемента выделял 5 групп текстов: собственно богослужебные жанры и статьи, составленные на основе требника, вирши о смерти, статьи с преобладанием описательного элемента, краткие назидательные статьи, разного рода краткие изречения и выписки. Классификация, предложенная исследователем, не может, на наш взгляд, считаться совершенной. Если выделение богослужебных жанров и виршей в составе лирических текстов вполне обосновано, то принцип группировки остальных синодичных статей вызывает вопросы. Не вполне определен критерий, взятый для деления описательно-назидательных статей разного объема. Четкую границу между статьями, составленными в духе «Последования погребения», и иными статьями лирико-описательного характера также провести сложно. Например, «Видѣнія преподобного отца нашего Феоктиста, инока обители Студитския» Е. В. Петухов относит к третьей группе, однако в этом тексте есть и явные параллели с церковной гимнографией. Так, во втором видении описывалась картина «изсохшихъ костей»: «...посмотри на иномъ нѣкомъ мѣстѣ во гробѣ лежащая кости пр[а]в[е]днѣхъ и грѣшнѣхъ <...>, разсуди аще ти мощно есть, ...кто ли есть нищъ, кто богат, кто ли с[в]я[т]ъ, кто ли яко же азъ грѣшнѣй» [Петухов, 1895, с. 239]. Эти же мотивы звучали в самогласной стихире преподобного Иоанна Дамаскина: «И паки разсмотрѣхъ во гробехъ, и видѣхъ кости обнажены, и рехъ: убо кто есть царь, или воин, или богат, или убог, или праведник, или грѣшник?..» [Требник, 1995, л. 103].

И. В. Дергачева разработала собственную классификацию текстов, которые Е. В. Петухов относил к лирико-описательному элементу, разделив их на более крупные группы: уже упомянутые статьи лирико-аскетического характера, заимствования из требника и вирши [Дергачева, 2011, с. 151–154]. На наш взгляд, эта классификация наиболее полно отражает состав синодичной лирики, но может дополняться.

В ранних редакциях синодика с литературными предисловиями такой род литературных произведений, как лирическое рассуждение, был представлен текстами, относящимися к обоим жанровым системам. В соответствии с богослужебным назначением памятника в нем фигурировала богослужебная поэзия, которую можно разделить на заупокойную гимнографию (песнопения) и эвхографию (молитвы).

Начиная с первой, Иосифовской, редакции в синодики включалась молитва святителя Кирилла Иерусалимского об умерших в переводе и редакции преподобного Нила Сорского. Она являлась «своеобразным конвоем для трехсловного предисловия» [Дергачева, 2011, с. 30]. О содержании Иововской редакции свидетельствует текст самого синодика: «...избрахом Помыняник сеи от тех же правил святых отец, от канонов и от молитв, и от прочих божественных писмян, что бывают в синоксарех певаемая по усопших» [Дергачева, 2011, с. 44]. Как видно из этого перечня, синодик второй редакции содержал в себе не только эвхографию (молитвы), но и гимнографию (например, каноны).

Четыре жанры, относящиеся к лирическому рассуждению, в ранних синодичных редакциях представлены в виде произведений учительной литературы — переводной патристики и оригинальных русских синодичных статей. Обыкновенно лирические произведения и лирические мотивы выражались в риторическом стиле, который был широко распространен в древнерусской литературе от начала ее возникновения и до конца XVII века [Прокофьев, 1975, с. 38]. Исследователи синодиков с этих позиций дидактические жанры подробно не рассматривали, однако не вызывает сомнения, что лирическое содержание в этих произведениях преобладало над эпической повествовательной составляющей.

О поучениях и посланиях Н. И. Прокофьев писал: «Произведения этого жанра, развивая какую-либо мысль, логически конструируются, лирические рассуждения сопровождаются иллюстративностью, действие... <...> ...занимает незначительное место» [Прокофьев, 1975, с. 35]. Все эти жанровые характеристики в полной мере наблюдались и в синодичных текстах. В отличие от апокрифических сказаний, повествующих о том, как исторически складывалась практика поминовения, объектом изображения церковно-учительных и догматико-назидательных статей было религиозно-нравственное состояние общества [Прокофьев, 1975, с. 30]. Сообразно эсхатологической дидактике объединяющего жанра синодика они разъясняли, «како жити христианом в законе и како поминаемым быти душам христианским» [Синодик. РГБ ОР Ф. 98. № 155. Л. 20 об.].

Жанры послания и поучения были близки друг к другу, однако по некоторым формальным признакам эти виды литературных произведений различаются. Поучения предназначались для публичного чтения вслух, а послания обычно не были рассчитаны на произнесение. В Древней Руси поучения обыкновенно назывались термином «слово», который часто применялся и в отношении синодичных статей разных жанров [Прокофьев, 1975, с. 34–35]. И. В. Дергачева писала, что литературные предисловия первой и второй редакции синодика служили для чтения за монастырской трапезой, а также для келейного и домашнего чтения [Дергачева, 2011, с. 54]. Из назначения памятника следует, что все эти назидательные статьи являлись поучениями.

Трехсловное предисловие преподобного Иосифа Волоцкого и предисловие, составленное святителем Иовом, содержали и такие речевые обороты, которые были характерны для посланий. Так, основатель Волоколамской обители, автор ряда текстов этого жанра [Дергачева, 2011, с. 23, 24, 34], свое третье слово адресовал настоятелям монастырей и священникам: «Си же пишем к вам, пастырем, рекше игуменом и учителем стада Христова...» [Дергачева, 2011, с. 126]. Патриарх Иов употреблял форму обращения «брате любимый», характерную, по замечанию И. В. Дергачевой, «для обращения одного духовного лица к другому, иерарха к иерарху». Опираясь на этот факт, исследователь называла текст именно посланием. Однако в поучениях и посланиях главную жанрообразующую роль играло все же назначение памятника. Подтверждение тому, что предисловие синодика патриарха Иова предназначалось для публичного оглашения, можно усмотреть в лексике текста: «Внемлите, любовная братие...», «слы-

ши, любимиче, и разумеи...» [Дергачева, 2011, с. 48–52]. Примечательно, что в начале и в конце текста использовались обращения исключительно во множественном числе («братие», «возлюбленнии», «человецы», «любимицы») и лишь в двух срединных фрагментах появились формы единственного числа («господине», «любимиче», «брате») [Дергачева, 2011, с. 47–50 ; Синодик РГБ. ОР Ф. 98. № 155, л. 54 об.]. Не исключено, что данное предисловие было составлено из нескольких частей, среди которых были и фрагменты послания.

В лирические по своей основе произведения древнерусской литературы нередко проникали эпическо-повествовательные мотивы. Так, учительные и обличительные слова в составе синодика обыкновенно опирались на вставные рассказы-примеры. Н. И. Прокофьев отмечал, что подобное явление, когда рассуждение иллюстрировалось рассказом о событии, было для поучений характерно. Иногда такие сюжеты разрастались в «большие по объему и относительно композиционно законченные литературные формы» [Прокофьев, 1975, с. 37–38]. Эта тенденция наблюдалась в синодиках третьей редакции, когда повествовательные фрагменты, изначально входившие в состав поучений, становились самостоятельными предисловиями [Петухов, 1895, с. 136].

Синодики непостоянного состава — хронологически самая поздняя редакция памятника, возникшая в XVII веке и вбиравшая в себя самые различные по происхождению и стилю тексты. Усиление четьей функции, расширение тематики и беллетризация литературных элементов послужили к постепенному вытеснению разросшимися предисловиями самого помянника. Утратив свое богослужебное предназначение, синодик превратился в четий сборник «Лекарство душевное» [Дергачева, 2011, с. 57].

Эволюция памятника отразилась и на своеобразии лирических текстов в его составе. Перечень жанров пополнили вирши о смерти, получившие в синодиках большое распространение. Ослабление, а затем и полное исчезновение литургической функции повлияло на сокращение текстов богослужебной жанровой системы. В синодиках непостоянного состава, которые продолжали использоваться на молитве, тексты церковно-практической направленности включались, однако в целом в них четье назначение предисловий преобладало.

Поздние синодики — литературные сборники отличались беллетризацией. Они тяготели к усилению роли повествовательного элемента — сюжетной художественной прозы, повествующей об определенных событиях в жизни героя или героев [Петухов, 1895, с. 6–7]. Синодичные повести, по словам Е. В. Петухова, стали совершенно самостоятельной, даже первенствующей и самой выдающейся из всего содержания частью предисловий по своему влиянию на современных читателей и по историко-литературному интересу [Петухов, 1895, с. 136]. О текстах лирико-описательного характера исследователь отзывался иначе: он полагал, что данные тексты не могут считаться самоценными с художественной точки зрения и должны восприниматься в контексте всего комплекса литературных предисловий лирического направления [Петухов, 1895, с. 228]. Приоритетный литературоведческий интерес к памятникам повествовательной литературы, по сравнению с произведениями «историческими и чисто назидательными», «духовной, учительной письменностью» [Петухов, 1895, с. 5–6], был распространен в отечественной медиэвистике. Однако, по справедливому замечанию Я. С. Лурье, «памятники, созданные древнерусскими книжниками с публицистическими, научно-познавательными или религиозными целями, обладали высокими художественными достоинствами и в этом смысле могут быть отнесены к художественным произведениям, к памятникам искусства» [Истоки русской беллетристики ... , 1970, с. 104].

Таким образом, сопоставление редакций синодика с литературными предисловиями позволяет прийти к выводу, что изначально этот памятник древнерусской книжности формировался за счет произведений, представляющих собой лирическое рассуждение. С течением времени, сообразно общему процессу беллетризации литературы, эпическое повествование, изначально пришедшее в синодик в виде вставных сюжетов, обрело самостоятельность и даже заняло доминирующие позиции. Лирика стала приобретать новые жанровые формы.

В целом лирические жанры в составе синодиков всех редакций отличались большим разнообразием. Они были представлены и богослужебными текстами (гимнографией и эвхографией), и четырьмя произведениями (поучениями догматико-назидательного, экзегетического, лирико-аскетического характера и виршами на тему смерти). Каждый жанр имел собственное назначение, но, становясь одним из предисловий синодика, он выполнял и общую дидактическую функцию памятника — убеждать в необходимости благоговейного поминовения усопших и должной подготовки к Вечности.

Тексты богослужебной жанровой системы занимали важное место в синодике с литературными предисловиями. «Литургические песнопения, молитвословные тексты, — это стихи, это поэзия», — обращала внимание О. А. Седакова [Седакова, <https://arzamas.academy/materials/1266?ysclid=lsk7ailvt6574948582>]. Возвышенная риторика, лиризм, музыкальность — вот основные стилистические особенности богослужебных жанров, как отмечал Н. И. Прокофьев [Прокофьев, 1975, с. 27]. Роль литургической поэзии в составе синодика определялась не только ее неоспоримыми художественными достоинствами, но и богословской глубиной. Г. М. Прохоров писал: «Можно сказать, что в средневековой пирамиде литературных жанров, увенчанной Священным Писанием, гимнография и эвхография образуют непосредственно “подстилающий” Писание слой, покоящийся в свою очередь, на богословии» [Прохоров, 1972, с. 122].

Традиционно большее внимание исследователи уделяли эвхографии синодиков, то есть молитвенным текстам, предназначенным для чтения при совершении заупокойных последований. Е. В. Петухов в целом весьма сдержанно относился к жанровым формам, отличающимся «совершенно церковным характером», так как они, по мнению ученого, не имели «собственно литературного интереса» [Петухов, 1895, с. 136]. Однако исследователь посчитал необходимым посвятить раздел своих очерков рассмотрению так называемого общего поминания, составленного в форме «молитвенного обращения для употребления в церковной службе» [Петухов, 1895, с. 88]. Е. В. Петухов писал, что назначением этих текстов было «перечисление разнообразных форм смерти», испрашивание «божественного поминовения умерших в Царствии Небесном», а также «формулировка некоторых положений и данных из сферы догматической, религиозно-нравственной и житейской» [Петухов, 1895, с. 88]. Исследователь полагал, что при составлении этих молитв «допускалась известная свобода», а значит, они «не лишены литературного интереса» [Петухов, 1895, с. 88].

Бытование общего поминания в синодиках разных редакций рассматривала также И. В. Дергачева. Исследователь подробно освещала происхождение и проблемы атрибуции текста, который, как было установлено, восходит к «Молитве о всех православных христианах» святителя Кирилла Иерусалимского в переводе преподобного Нила Сорского [Дергачева, 2011, с. 25–33, 67, 69–70]. Польский лингвист Иоанна Ожеховска занималась герменевтическим изучением текста общего поминания Войновского синодика [Ожеховска, 2009, с. 114–124].

Синодичная гимнография (небиблейские поэтические тексты, предназначенные для исполнения, в первую очередь певческого, в определенные моменты богослужения [Ткаченко, 2006, с. 489]), в отличие от эвхологии, столь подробно не изучалась. Исследователи рассматривали гимнографические тексты в составе четких, без учета специфики богослужебной литературы, которая, по словам Н. И. Прокофьева, в особенности резко обособлялась по своим жанрам [Прокофьев, 1975, с. 26]. Такой подход порождал неточности в определениях и даже ошибки в идентификации текстов.

Исследователи XIX века не придавали особого значения жанровым характеристикам отдельно взятых богослужебных фрагментов. Показательно в этом отношении мнение Е. В. Петухова, полагавшего, что каждый из них «чего-либо самостоятельного и выдающегося в составе Синодика не представляет, но все вместе, дополняя друг друга», они «являются материалом, далеко не лишенным литературного интереса» [Петухов, 1895, с. 228]. «Чин бываемый на разлучение души от тела, вегда брату изнемогающу» ученый называл «статьей из требника» [Петухов, 1895, с. 230], а малые гимнографические формы (стихиры самогласны и тропари) — «простыми краткими выдержками», «отрывками» из последований погребения, «словами Иоанна Дамаскина» [Петухов, 1895, с. 234]. Священник П. Е. Задерацкий о самогласной стихире писал, что это «церковная песнь надгробная» [Задерацкий, 1864, с. 81]. Ф. И. Буслаев гимнографические тексты синодика характеризовал как «песнопения по душам усопших» [Буслаев, 1861, с. 625].

Современные исследователи также не рассматривали подробно фрагменты богослужебных последований. Каталог синодичных предисловий по основным источникам, составленный И. В. Дергачевой, содержит 9 текстов, восходящих к требнику, их жанровая принадлежность не конкретизировалась [Дергачева, 2011, с. 151]. Д. Б. Терешкина разнородные гимнографические тексты именвала «чтениями чина отпевания усопших» [Терешкина, 2014, с. 152]. При описании состава Сольбинских синодиков — литературных сборников Л. Б. Сукина не выделяла фрагменты, принадлежащие к гимнографическим жанрам или являющиеся их парафразами. Так, отрывок

из Великого акафиста был ошибочно назван «фрагментом ритмизированного панегирического стиха в подражание молитве» [Сукина, Капков, 2021, с. 81] и «похвалой» [Там же, 2021, с. 320]. Парафраз стихир при последнем целовании обозначался как «Слово о последнем целовании», парафраз самогласна «Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть» — сначала как прозаический текст [Там же, 2021, с. 78], а затем как «стихотворные вирши» [Там же, 2021, с. 106].

Очевидно, что изучение особенностей лирических жанров без внимания к литургическим текстам не представляется возможным. Как отмечала Е. А. Осокина, «гимнография не может находиться вне круга литературных памятников. Более того, для ранней стадии древнерусской литературы она является высшей формой художественного творчества — духовной лирикой или литургической поэзией» [Осокина, 1995, с. 120]. Исследователь призывала именно в ней «искать источники древнерусской литературы, возникшей при усвоении как самих текстов Священного Писания, так и толкования к ним в виде проповедей, гомилий, Слов и других текстов... Именно гимнография во всем своем жанровом многообразии влияла на формирование жанров древнерусской литературы, определяя их структуру, ритм, форму и содержание, давая название завершенным литературным формам» [Там же, с. 120]. Действительно, богослужебная поэзия являлась основным источником лиризма синодика и, более того, оказала существенное влияние на жанровую систему Нового времени. Н. И. Прокофьев, размышляя о происхождении и исторической судьбе элегии, писал, что та «произрастала не на пустом месте» [Прокофьев, 1994, с. 60–61]. В древнерусской литературе элегический мотив бренности земного бытия оформлялся в гимнографической лирике, входил в состав поучений, в послания.

Функция богослужебных фрагментов в составе трех синодичных редакций была неоднородной. Синодики первой и второй редакций включали в себя тексты, главным назначением которых было поминовение усопших. В синодик с трехсловным предисловием включалась молитва святителя Кирилла Иерусалимского, в синодике патриарха Иова она входила в цельное заупокойное последование, «с порядком чтения, тропарями и седальнами» [Дергачева, 2011, с. 43]: «Аще убо случится кому сеи помянник прочитати, начни сие...» [Синодик РГБ ОР. Ф. 98, № 155. Л. 27 об.]. В синодиках первой и второй редакций богослужебная составляющая являлась основной. Предшествующие ей литературные предисловия играли вспомогательную роль: они лишь раскрывали смысл поминовения и готовили к молитвенному деланию.

Ослабление литургической функции синодика в его третьей редакции не было одномоментным. Этот процесс занял длительное время и отличался поступательностью. В синодиках непостоянного состава также могли фигурировать тексты, предназначенные для молитвы. Их спектр, в сравнении с ранними редакциями, расширялся. Например, в ряде лицевых рукописных синодиков XVII века находился иллюстрированный «Канонъ на исходъ души, творение с[вя]таго г[о]с[поди]на Андрея Критскаго» [РГБ. Ф. 310 № 154. Л. 128–191 ; РГБ. Ф. 310 № 157. Л. 29–35 об. ; РНБ F.I.256. Л. 117 об. — 133 об. ; РНБ Тит. 3363. Л. 33–48 об.]. Уставная помета по окончании канона указывает на явное практическое применение фрагмента: «Аще зриши умерша брата, гл[аго]лемь тр[о]пар[и]: “Со д[у]хи праведными...”». И прочая» [РГБ. Ф. 310 № 157. Л. 29–35 об. ; РНБ F.I.256. Л. 133–133 об.]. Однако даже из этих примеров следует, как менялись акценты в синодике. Такие заимствования из требника обильно иллюстрировались [Петухов, 1895, с. 230, 234, 268]. Все большее внимание уделялось эстетической составляющей. Молитвенное последование перестало быть центром памятника, уступая место литературно-художественному элементу. Грань между богослужебными фрагментами и предисловиями стиралась. Они произвольно перемешивались друг с другом, становясь равноправными компонентами синодика — литературного сборника. Отбор материала для него производился исходя из назидательности, занимательности, эстетических достоинств того или иного текста. Элементы, имеющие сугубо богослужебное назначение, уходили на второй план. Вытеснение предисловиями самих поминаний, которые в результате выделились в особые книги, было не механическим явлением, а лишь закономерным итогом того, что дидактическая установка возобладала над церковно-практической.

Безусловно, тенденция к совершенному освобождению от богослужебных элементов была присуща не всем синодикам непостоянного состава без исключения. М. Г. Давидова писала, что старообрядческие синодики, напротив, отличались «стремлением исключить из рукописи все “неканоническое”, не проверенное многовековым опытом Церкви» [Давидова, <https://www.portal-slovo.ru/authors/365.php>]. Такие памятники характеризовались лаконичностью, четкостью композиции, богослужебной ориентацией и отсутствием апокрифического материала.

Вместе с тем, как отмечал Е. В. Петухов, главный историко-литературный интерес синодика заключался в том, что он являлся типическим выразителем переходной эпохи русской литературы [Петухов, 1895, с. 284]. Содержание и характер синодичной лирики менялись сообразно общей эволюции памятника в сторону обмирщения, беллетризации. Богослужебная лирика не исключалась совершенно, но назначение ее изменилось. Она стала фигурировать в синодике уже не в качестве молитвенного последования, а как четкий материал. Ярким показателем четкой функции выступают примеры, когда гимнографические тексты в составе синодиков — литературных сборников могли содержаться в усеченном или деформированном виде, как фрагмент 9-го икоса Великого акафиста в Малом Сольбинском синодике [Шадрин Е. С. (инокия Мария), 2022, с. 184–185].

Большой Сольбинский синодик относился к тем памятникам третьей редакции, которые сохранили поминальную часть, активно использовавшуюся за богослужением. Тем не менее рассмотрение литературных предисловий этого синодика позволяет сделать вывод о четком применении встречающегося в нем гимнографического материала. Синодик содержал два парафраза погребальных стихир, отличающихся от канонического текста: «Приидите, братие, послѣднее цѣлование дадимъ брату умершему...» [ПЗГИАХМЗ. Инв. 4310. Л. 7 об.] и «Плачу и рыдаю...» [ПЗГИАХМЗ. Инв. 4310. Л. 11 об.]. В последней стихире, в частности, описывается, как горько лицезреть во гробе человеческую красоту — «безобразну, беславу (sic!), неимущу вида» [ПЗГИАХМЗ. Инв. 4310. Л. 7 об, 11 об.]. Ряд эпитетов в синодике был дополнен фразой «ниже доброты», восходящей к пророчеству Исаии о вольных страданиях Христа: «нѣсть вида Ему, ниже славы, и видѣхомъ Его: и не имяше вида, ни доброты» (Ис. 53:2). Отсылки к этому библейскому стиху часто встречались в крестобогородичнах: «Красный доброту паче всех человек, бездыханный, беззрачный являешия, не имея вида, ниже доброты...», «Красного доброту, родила Тя Красная Отроковица, Егоже зрящи ни доброты в страдании, ниже вида имуща...», «Вознесена Тя видящи, ни доброты в стр[а]сти, ни вида имуща...» [Триодь постная, 2002, л. 248 об., 250 об., 252 об.], «Своего Агнца, Агница и непорочная Владычица, на Кресте яко видевши, вида не имуща ниже доброты, увы мне рыдаючи глаголаше...» [Минея июнь, 2002, с. 68]. Вероятно, знакомый по песнопениям и ветхозаветной паремии оборот был привнесен и в синодик. Другая вставка появилась в конце текста: слова «покой преставльшимся» дополнились топом «от жития мира сего суетнаго» [ПЗГИАХМЗ. Инв. 4310. Л. 7 об.].

Заупокойные песнопения в синодичных предисловиях нередко дополнялись или перефразировались. Так в ряде памятников (например, в синодике Кирилло-Новоезерского монастыря и в синодике Вязниковского Благовещенского монастыря, 1651 год) был цикл миниатюр с подписями лирико-описательного содержания, созданными на основе песнопений из требника [Голышев, 1885, с. 39–40]. В старообрядческом синодике из Причудского собрания Пушкинского дома тема смерти раскрывалась через «поэтический плач, составленный из своеобразных вариаций на тексты из “Последования погребения мирских человек” и “Последования исходного монахов” [Давидова, <https://www.portal-slovo.ru/authors/365.php>].

Существовала еще одна форма использования богослужебного текста при составлении синодичных предисловий. Специфику таких заимствований характеризует наблюдение Е. В. Петухова: богослужебный текст брался «не целиком, но лишь некоторые места из него, и эти места послужили темой для более или менее свободных лирических выражений в том же духе и с тем же характером, как и заимствованный богослужебный текст» [Петухов, 1895, с. 230]. При составлении этих текстов книжники могли использовать не только фрагменты заупокойных последований, но и произведения церковно-учительной литературы.

Как отмечала С. М. Шумило в монографии «Поэтика богослужебной гимнографии в славянских житиях и проповедях орнаментального стиля XI–XIV вв.», гимнография являлась «исключительно удобным материалом для использования ее в качестве литературного источника. ...литургические произведения не были столь авторитетны, как тексты Библии, что позволяло автору, цитируя их, достаточно вольно обращаться с текстами. Писатели изменяли их, могли усекают цитату или, напротив, расширять при помощи амплификации или драматизации, соединять вместе несколько отрывков, вкладывать в цитируемое новый смысл. Именно из богослужения чаще всего авторы черпают образы, метафоры, эпитеты, синтаксические конструкции» [Там же, 2024, с. 14]. Более того, «художественный стиль находился в непосредственной зависимости от его мировоззренческих установок, которые, в свою очередь, формировались под прямым воздействием богослужебных текстов» [Там же, 2024, с. 273].

При выявлении источников синодичных предисловий исследователи в первую очередь ориентировались на четьи памятники, литургическая поэзия часто оставалась вне поля внимания. Например, в каталоге И. В. Дергачевой под номером 42 значился следующий текст: «Востанию вси веруем. Исаия бо вопиет ясно: „Востанут мертвии сущии...”. Сего ради о умерших не скорбите и веруйте воскресению, несть зло смерть...» [Дергачева, 2011, с. 137]. Данное поучение содержалось в одном синодике из бывшего собрания Ф. А. Толстого в составе ряда статей из требника. Каждому такому тексту предшествовал киноварный «эпиграф», чаще всего взятый из заупокойной гимнографии [РНБ ОР. F.I.256. Л. 95, 97, 98 об., 100, 102 об., 112]. Нередко и сами поучения начинались парафразами или даже цитатами из чина погребения, переходящими в поучение лирико-аскетического характера [РНБ ОР. F.I.256, Л. 97, 98 об., 100, 102 об., 108, 110, 112]. И. В. Дергачева совершенно справедливо установила, что включенная ею в каталог синодичная статья восходила к слову святителя Иоанна Златоуста в субботу мясопустную, «еже не плакаться по умерших» [Дергачева, 2011, с. 137]. Однако два гимнографических эпиграфа не имели к нему отношения [Златоуст. Ф. 304/I № 142]. Они были заимствованы из чина погребения, использовавшегося в богослужебной практике до книжной sprawy. Оба текста («Востанию вси веруем...» и «Премудрый Павелъ гл[аго]леть...») являлись тропарями на блаженных [Требник, 1651, л. 139 об.]. В современной редакции требника, утвердившейся со времени патриарха Никона, используется лишь видоизмененный справщиками второй тропарь — в составе последования погребения священников: «Всеумудрый Павелъ предрече...» [Требник, 1995, л. 139 об.].

Аналогичная ситуация наблюдается в отношении еще двух синодичных поучений, значащихся в каталоге среди статей лирико-аскетического характера под № 164 и 170. Эпиграфом к первому тексту и его началом служила цитата из стихиры «Зряще мя безгласна...» [Требник, 1651, л. 337 об.], поющей, согласно дореформенной редакции требника, в конце отпевания на пути к гробнице: «Восплачется о мне, братия и друзи, и сродницы и знаемии. Вчерашний бо д[е]нь с вами глаголах, и н[ы]не прииде ми внезапно час смертний. Приидѣте вси любящии мя, и лобызайте послѣднее...» [РНБ ОР. F.I.256, л. 112]. Второе поучение открывал парафраз самогласна преподобного Иоанна Дамаскина [Требник, 1651, л. 329 об.]: «О люте, какову имать тяготу д[у]ша, егда разлучается от тела. Тогда плачется, ко а[н]г[е]ломъ очи возводяще, и руце простирающе и не имать кто еи поможетъ...» [Синодик РНБ ОР. F.I.256. Л. 112]. Важно отметить, что составители упомянутых поучений опирались на дореформенную заупокойную гимнографию. Следовательно, при анализе источников литературных предисловий синодика необходимо непременно учитывать тексты из дониконовских требников, которые далеко не все вошли в современные чинопоследования.

Богослужебная лирика оказала существенное влияние не только на поучения, но и на вирши в составе синодиков. В каталоге предисловий под № 176 значится следующий текст: «Обаче всеу матется (так!) всяк живый человек, понеже краткий его век. / Богатво (так!), мудрость, слава, сила, все преходит, / Ничто же ся в мире твердое не находится. / Человек яко стень, сон, трава, яко цвет увядает. / Нестъ на смерть лекарства и обороны, понеже и царьския снимаются каруны...» [Дергачева, 2011, с. 154]. Эти вирши восходят к стихотворению Симеона Полоцкого, написанному незадолго до смерти и потому не внесенному ни в один из его стихотворных сборников [Татарский, 1886, с. 316–317]. Даже из приведенных И. В. Дергачевой пяти строк заметно, насколько стихи перекликаются с Псалтирю: «...обаче всяческая суета всякъ человекъ живой. Убо образомъ ходитъ человекъ, обаче всеу мятется...» (Пс. 38:6–7), «Человекъ, яко трава дние его, яко цвѣтъ селный, тако оцвѣтеть» (Пс. 102:15). Очевидно, что вирши близки и к последованию погребения: «Воистинну суета всяческая, житие же сѣнь и соние: ибо всеу мятется всякъ земнородный, якоже рече писание...», «Человѣцы, что всеу мятемся? Путь кратокъ есть, имже течемъ, дымъ есть житие, пара и персть и пепель, вмалѣ является и вскорѣ погибаетъ...», «Вся суета человѣческая, елика не пребываютъ по смерти: не пребываетъ богатство, ни сшествуетъ слава...» [Требник, 1651, л. 100, 146 об.].

Вирши, как обращал внимание Е. В. Петухов, заняли преобладающее место в печатном синодике. Если в рукописных памятниках они отличались лирико-описательным содержанием, то в печатных в стихотворную форму были «облечены, кроме того, и места, соответствующие теоретическому и историческому предисловиям» [Петухов, 1895, с. 329]. И все же наибольший литературно-художественный интерес как лирические памятники представляют вирши, посвя-

щенные «неизбежности и могуществу смерти» [Петухов, 1895, с. 278], которые были тесно связаны с церковной гимнографией. В богослужебных текстах и находившихся под их влиянием других лирических жанрах изображался самый момент смерти, расставания души с телом, который «возбуждал пытливую мысль составителей синодика» [Петухов, 1895, с. 276] и привлекал с точки зрения назидательности.

О. А. Седакова отмечала, что литургическая поэзия являлась квинтэссенцией богословия смерти [Седакова, 2004, с. 277]. Исследователь указывала на необходимость обращения к образности литургических гимнов как к не менее полному и авторитетному выражению учения Церкви, чем святоотеческие богословские труды. Церковные песнопения предполагали иной род понимания, чем изучение книжного богословского сочинения. Поэтическое богословие — «слово с властью», которое вбирают, «слагают в сердце», усваивают себе, повторяют как свое. В отличие от рассуждения, оно предполагает состояние вовлеченности, а не дистанцирования, анализа, оценки. Гимнография сообщает не предметное и понятийное содержание веры, а ее образ [Седакова, 2004, с. 282].

Обращенность к богослужебным книгам как писательский метод была вызвана, в первую очередь, высокой идейной значимостью литургических памятников. Другой веской причиной была их запоминаемость. Как писала С. М. Шумило, гимнографические произведения «сопровождали все важнейшие переживания средневекового автора и закреплялись в памяти особенно крепко благодаря их повторяемости, музыкальной и хронологической приуроченности» [Шумило, 2024, с. 14].

Синодик с литературными предисловиями как объединяющий жанр древнерусской литературы в полной мере использовал дидактический и художественный потенциал гимнографических текстов. Благодаря им памятник отличался многогранностью, сочетал в себе практическое назидание и поэтическое богословствование о таинстве смерти. Литургическая поэзия формировала мировоззрение человека в Древней Руси, учила смотреть «светлым взором» [Проккофьев, 1975, с. 28] даже на разлучение души с телом, радостотворным плачем лирики утешала земную скорбь об умерших.

Заключение

Содержание литературных предисловий русского синодика формировалось исходя из дидактических задач памятника. Тексты различных жанров, используя весь арсенал изобразительно-выразительных средств древнерусской литературы и искусства, служили к убеждению в необходимости благоговейного поминания усопших и заблаговременной подготовки к переходу в вечную жизнь.

Синодичные предисловия, отличающиеся лирической окрашенностью, оказывали сильное воздействие не только на мысль, но и на чувства средневекового читателя. Жанровостилистические особенности синодичной лирики были тесно связаны с поэтикой богослужебных жанров. Квинтэссенцией православного литургического богословия смерти являлись заупокойные последования из требника. Погребальная литургическая поэзия из частных богослужебных чинов стала лейтмотивом для лирических жанров синодика.

Литургическая богословская мысль сохранялась в поздних редакциях синодиков-литературных сборников, когда четья функция заняла доминирующие позиции. В памятниках активно использовался потенциал вторичного текста, произошло замещение одних жанров другими: нравоучительные вирши с многочисленными аллюзиями вытеснили пространные поучения, получили распространение парафразы богослужебных текстов.

Список источников

1. Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. — СПб. : Д. Е. Кожанчиков, 1861. — Т. I. — 643 с.
2. Голышев И. А. Синодики Вязниковского Благовещенского монастыря. 1651, 1679, 1686 гг. // Владимирские епархиальные ведомости. — 1885. — № 2. — С. 39–46.
3. Давидова М. Г. Старообрядческий Синодик из Причудского собрания Пушкинского дома // Образовательный портал «Слово». — URL : <https://www.portal-slovo.ru/authors/365.php> (дата обращения: 20.02.2024).

4. Дергачева И. В. Древнерусский Синодик: исследования и тексты. — М. : Кругъ, 2011. — 398 с.
5. Задерацкий П. Е., свящ. Заметки о Старокиевской Троицкой церкви // Киевские епархиальные ведомости. — 1864. — № 3. — С. 74–89.
6. Златоуст. — Ф. 304/I. — № 142.
7. Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе / отв. ред. Я. С. Лурье. — Л. : Наука : Ленинград. отд-ние, 1970. — 592 с.
8. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. — Л. : Наука, 1967. — 372 с.
9. Миняя июнь. Ч. 1. — М. : Издат. совет РПЦ, 2002. — 664 с.
10. Ожеховска И. Герменевтическое изучение текста Войновского синодика // Русский язык и проблемы современного образования : сб. науч. ст. — Вып. 2. — Архангельск : Тип. № 2, 2009. — С. 114–124.
11. Осокина Е. А. Проблемы соотношения гимнографии и агиографии на память княгини Ольги : дис. ... канд. филол. наук. — М. : ИМЛИ РАН, 1995. — 160 с.
12. Петухов Е. В. Очерки из литературной истории синодика. — СПб. : ОЛДП, 1895. — 406 с.
13. Прокофьев Н. И. О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI–XVI вв. // Литература Древней Руси. — М. : МГПИ им. В. И. Ленина, 1975. — Вып. 1. — С. 5–39.
14. Прокофьев Н. И. О преемственной связи в историческом развитии жанров и жанровых систем // Памятники древнерусской культуры : материалы II Рос. науч. конф. ... памяти святителя Макария. — Можайск, 1994. — Вып. 2, Ч. 2. — С. 49–62.
15. Прохоров Г. М. К истории литургической поэзии: гимны и молитвы патриарха Филофея Коккина // ТОДРЛ. — Л. : Наука : Ленинград. отд-ние, 1972. — Т. 27. — С. 120–149.
16. Седакова О. А. Литургическая поэзия // Образовательный сайт “Arzamas”. — URL : <https://arzamas.academy/materials/1266?ysclid=lsk7ai1vt6574948582> (дата обращения: 13.02.2024)
17. Седакова О. А. Поэтика обряда: погребальная обрядность восточных и южных славян. — М. : Индрик, 2004. — 319 с.
18. Синодик // ПЗГИАХМЗ. — Инв. 4310.
19. Синодик // ОР РГБ. — Ф. 98. — № 155.
20. Синодик // ОР РГБ. — Ф. 310. — № 154.
21. Синодик // ОР РГБ. — Ф. 310. — № 156.
22. Синодик // ОР РГБ. — Ф. 310. — № 157.
23. Синодик // РНБ — F.I. 256.
24. Синодик // РНБ — Тит. 3363.
25. Сукина Л. Б., Капков К. Г. Лицевые Синодики Николо-Сольбинской пустыни. XVIII век. Местечко Сольба; Переславль-Залесский. — М. : Николо-Сольбин. жен. м-рь, 2021. — 352 с.
26. Татарский И. Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность). — М. : Тип. М. Г. Волчанинова, 1886. — 342 с.
27. Терешкина Д. Б. «Егда душа от тѣла нуждею разлучается, ужасна тайна всѣмъ и страшна» (Смерть в синодике Новоезерского монастыря) // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Παλαιόρως: εν χρόνῳ, εν πρόσωπῳ, εν είδει : альм. — СПб., Казань, 2014. — С. 143–153.
28. Ткаченко А. А. Гимнография // Православная энциклопедия. — М. : Правосл. Энцикл., 2006. — Т. 11. — С. 489–513.
29. Требник. — М. : Печатный двор, 1651, 26 сент. — 688 с.
30. Требник. — СПб. : Изд. Свято-Троице-Сергиевой Лавры : Тип. № 2 Воениздата, 1995. — 310 с.
31. Триодъ постная. — М. : Изд. совет РПЦ, 2002. — Ч. 1. — 800 с.
32. Трофимова Н. В. Функционирование малых лирических жанров в структуре эпических текстов (на материале древнерусского воинского повествования) // Текст как филологический феномен: актуальные аспекты рецепции и интерпретации : коллект. моногр. / сост., науч. ред. Л. А. Трубиной, В. К. Сигова. — М. : МПГУ, 2018. — С. 75–103.
33. Шадрина Е. С. (инокиня Мария). Фрагмент Великого акафиста в составе предисловий Малого Сольбинского синодика // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 21 / гл. ред. О. А. Туфанова. — М. : Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 2022. — С. 181–194.
34. Шумило С. М. Поэтика богослужебной гимнографии в славянских житиях и проповедях орнаментального стиля XI–XIV вв. — Firenze : Firenze University Press, 2024. — 317 с.

References

1. Buslaev F. I. *Istoricheskiye ocherki russkoy narodnoy slovesnosti i iskusstva: v 2 t.* [Historical essays on Russian folk literature and art: in 2 volumes]. St. Petersburg, D. E. Kozhanchikov Publ., 1861, vol. I, 643 p. (In Russian).
2. Golyshev I. A. Synodicons of the Vyaznikovsky Annunciation Monastery. 1651, 1679, 1686. *Vladimirskie eparchialnye vedomosti*. [Vladimir Diocesan Bulletin]. 1885, iss. 2, pp. 39–46. (In Russian).

3. Davidova M. G. Old Believer Synodicon from the Prichudye collection of the Pushkin House. *Obrazovatelnyy portal "Slovo"*. [Educational portal "Slovo"]. Available at: <https://www.portal-slovo.ru/authors/365.php> (accessed: 20.02.2024). (In Russian).
4. Dergacheva I. V. *Drevnerusskiy Sinodik: issledovaniya i teksty*. [Old Russian Synodicon: research and texts]. Moscow, Krug, 2011, 398 p. (In Russian).
5. Zaderatsky P. E., Priest. Notes on the Old Kiev Trinity Church. *Kiyevskiye yeparkhialnyye vedomosti*. [Kyiv Diocesan Gazette]. 1864, iss. 3, pp. 74–89. (In Russian).
6. Zlatoust. [Chrysostom]. F. 304/I, iss. 142. (In Russian).
7. *Istoki russkoy belletristiki. Vozniknoveniye zhanrov syuzhetnogo povestvovaniya v drevnerusskoy literature*. *Otv. red. Ya. S. Lurye*. [Origins of Russian fiction. Emergence of plot narrative genres in Old Russian literature. Ed. by Ya. S. Lurye]. Leningrad, Nauka: Leningrad Branch, 1970, 592 p. (In Russian).
8. Likhachev D. S. *Poetika drevnerusskoy literatury*. [Poetics of Old Russian Literature. L., Nauka, 1967, 372 p. (In Russian)].
9. *Mineya iyun. Ch. I*. [Menaion June. Pt. 1]. Moscow, Russian Orthodox Church Publ., 2002, 664 p. (In Russian).
10. Ozhekhovska I. *Hermeneutic study of the text of Voynovo Synodiconon. Russkiy yazyk i problemy sovremennogo obrazovaniya: sb. nauch. st. Vyp. 2*. [Russian language and problems of modern education: collection of scientific articles. Iss. 2]. Arkhangelsk, Printing House no. 2, 2009, pp. 114–124. (In Russian).
11. Osokina E. A. *Problemy sootnosheniya gimnografii i agiografii na pamyat knyagini Olgi: dis. ... kand. filol. nauk*. [Problems of the relationship between hymnography and hagiography in memory of Princess Olga: dissertation ... of Candidate of Philology]. Moscow, IMLI RAS Publ., 1995, 160 p. (In Russian).
12. Petukhov E. V. *Ocherki iz literaturnoy istorii sinodika*. [Essays on the literary history of synodicon]. St. Petersburg, OLD P., 1895, 406 p. (In Russian).
13. Prokofyev N. I. On medieval Russian worldview and the system of genres in Russian literature of the 11th–16th Centuries. *Literatura Drevney Rusi*. [Literature of Ancient Rus. M.: Lenin Moscow State Pedagogical Institute Publ., 1975, iss. 1, pp. 5–39. (In Russian)].
14. Prokofyev N. I. On continuity of tradition in historical development of genres and genre systems. *Pamyatniki drevnerusskoy kultury: materialy II Ros. nauch. konf. ... pamyati svyatitelya Makariya*. [Monuments of Old Russian culture: Proceedings of the II Russian Scientific conference ... in memory of St. Macarius]. Mzhaysk, 1994, iss. 2, pt. 2, pp. 49–62. (In Russian).
15. Prokhorov G. M. On history of liturgical poetry: hymns and prayers of Patriarch Philotheus Kokkinos. *TODRL*. Leningrad, Nauka, Leningrad branch, 1972, vol. 27, pp. 120–149. (In Russian).
16. Sedakova O. A. Liturgical poetry. *Obrazovatelnyy sayt "Arzamas"*. [Educational site "Arzamas"]. Available at: <https://arzamas.academy/materials/1266?ysclid=lsk7ailvt6574948582> (accessed: 13.02.2024) (In Russian).
17. Sedakova O. A. *Poetika obryada: pogrebnaya obryadnost vostochnykh i yuzhnykh slavyan*. [Poetics of rituals: funeral rites of Eastern and Southern Slavs]. Moscow, Indrik, 2004, 319 p. (In Russian).
18. Synodicon. *PZ GIAHMZ*. Inv. no. 4310. (In Russian).
19. Synodicon. *OR RSL*. [Manuscripts of Russian State Library]. F. 98, no. 155. (In Russian).
20. Synodicon. *OR RSL*. [Manuscripts of Russian State Library]. F. 310, iss. 154. (In Russian).
21. Synodicon. *OR RSL*. [Manuscripts of Russian State Library]. F. 310, iss. 156. (In Russian).
22. Synodicon. *OR RSL*. [Manuscripts of Russian State Library]. F. 310, iss. 157. (In Russian).
23. Synodicon. *RNL*. [Russian National Library]. F.I. 256. (In Russian).
24. Synodicon. *RNL*. [Russian National Library]. Tit. 3363. (In Russian).
25. Sukina L. B., Kapkov K. G. *Litseye Sinodiki Nikolo-Solbinskoy pustyni. XVIII vek. Mestechko Solba; Pereslavl-Zalesskiy*. [Illustrated Synodicons of Nikolo-Solbinsky Hermitage. 18th century. Town of Solba; Pereslavl-Zalessky]. Moscow, Nikolo-Solbin nunnery, 2021, 352 p. (In Russian).
26. Tatarsky I. *Simeon Polotskiy (yego zhizn i deyatelnost)*. [Simeon of Polotsk (life and work)]. Moscow, M. G. Volchaninov Publ., 1886, 342 p. (In Russian).
27. Tereshkina D. B. "When the soul is separated from the body by necessity, the mystery is terrible and frightening to everyone" (Death in the Synodicon of Novoezersky Monastery). *Drevnyaya Rus: vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh. Παλαιորωσια: εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει: alm*. [Ancient Rus: in time, in personalities, in ideas. Παλαιωσια: εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει: almanac]. St. Petersburg, Kazan, 2014, pp. 143–153. (In Russian).
28. Tkachenko A. A. Hymnography. *Pravoslavnaya entsiklopediya*. [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Pravoslavnaya Encyclopedia, 2006, vol. 11, pp. 489–513. (In Russian).
29. *Trebnik*. [Prayer book]. Moscow, Pechatnyy Dvor, 1651, September 26, 688 p. (In Russian).
30. *Trebnik*. [Prayer book]. St. Petersburg: P Holy Trinity-Sergius Lavra Publ., Voenizdat Publ., no. 2, 1995, 310 p. (In Russian).

31. *Triod postnaya*. [Lenten Triodion]. Moscow, Russian Orthodox Church Publ., 2002, pt. 1, 800 p. (In Russian).
32. Trofimova N. V. Functioning of minor lyric genres in the structure of epic texts (based on Old Russian military narratives). *Tekst kak filologicheskii fenomen: aktualnyye aspekty retseptsii i interpretatsii: kollekt. monogr. Sost., nauch. red. L. A. Trubinoi, V. K. Sigova*. [Text as a philological phenomenon: current aspects of reception and interpretation: collective monograph. Comp., ed. by L. A. Trubina, V. K. Sigov]. Moscow, Moscow State Pedagogical University Publ., 2018, pp. 75–103. (In Russian).
33. Shadrina E. S. (Sister Maria). Fragment of the Great Akathist in the preambles of the Small Solbinsky Synodicon. *Germenevtika drevnerusskoy literatury. Sb. 21. Gl. red. O. A. Tufanova*. [Hermeneutics of Old Russian Literature. Collection 21. Ed.-in-chief O. A. Tufanova]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, 2022, pp. 181–194. (In Russian).
34. Shumilo S. M. *Poetika bogosluzhebnoy gimnografii v slavyanskikh zhitiyakh i propovedyakh ornamentalnogo stilya XI–XIV vv.* [Poetics of liturgical hymnography in Slavic lives and sermons of the ornamental style of the 11th–14th centuries]. Florence, Firenze University Press, 2024, 317 p. (In Russian).

Информация об авторе

Шадрина Евгения Сергеевна (инокия Мария) — аспирант Московского педагогического государственного университета.

Сфера научных интересов: синодики с литературными предисловиями XV–XVIII веков.

Information about the author

Shadrina Evgeniya Sergeevna (Sister Maria) — Postgraduate student at Moscow State Pedagogical University.

Research interests: 15th–18th-c. synodicons with literary preambles.

Статья поступила в редакцию 29.04.2025; принята к публикации 24.06.2025.

The article was submitted 29.04.2025; accepted for publication 24.06.2025.